

Ранним утром воздух дышал колючим холодом. На покрытых инеем ветвях деревьев гроздьями висели обледеневшие, схваченные морозцем ярко-оранжевые плоды хурмы.

Мужчина поднялся еще до рассвета. Стараясь не шуметь, он расчистил двор от снега, посыпал дорожки солью и бережно застелил каменные ступени плотным ковром. Когда на востоке показался первый луч солнца, дверь дома тихонько приоткрылась. На пороге показалась женщина с новым, пахнущим свежестью темно-зеленым плащом в руках.

— Проснулась, жена?

Мужчина тут же шагнул навстречу, обхватил ее руку и ласково прижался щекой к теплому плечу:

— Какая же ты теплая.

Женщина набросила ему на плечи плащ и принялась ладонями согревать его щеки, прикладывая их то тыльной, то внутренней стороной:

— Вечно ты хлопчешь, совсем себя не бережешь, — ласково упрекнула она. — Сам уже как ледяное изваяние.

— Ночью ведь снег выпал, — улыбнулся он. — Боялся, что поскользнешься.

Мужчина слегка отстранился, но лишь для того, чтобы запечатлеть долгий поцелуй на ее светлой ладони.

— У моей жены самые красивые руки. И пахнут сладко. И такие нежные...

— Словно дитя малое, все ластишься, — беззлобно фыркнула она, слегка ущипнув его за щеку.
— И как мы, позволь спросить, будем лепить цзяоцзы, если ты мне все пальцы зацеловал?

— Зачем тебе самой трудиться? — весело отозвался муж. — У нас ведь для этого сын подрастает.

— Хорош отец — только и думаешь, как бы на ребенка работу переложить, — рассмеялась женщина. — Смотри, не ляпни при нем, а то ведь капризничать начнет.

— Я все слышал!

Из дома с воинственным видом выбежал румяный, белозубый малыш. Завернувшись по самые уши в ярко-красное лоскутное одеяльце, он бесстрашно припустил по застеленным ковром

ступеням — упасть здесь было невозможно.

Сонная мордашка забавно сморщилась, щеки надулись от напускной обиды.

— Я! Все! Слышал! — по слогам повторил он.

Отец раскатисто расхохотался, подхватил сорванца на руки и, высвободив его взъерошенную макушку из одеяла, взлохматил мягкие волосы:

— Ладно, признаю, отец неправ. Чэньчэнь, почему ты сегодня так рано вскочил?

— Сегодня же Праздник фонарей! И у меня новая одежда! — четырехлетний карапуз гордо раскинул ручки, демонстрируя наряд. — Папа, смотри... Ой!

Он вдруг испуганно пискнул и, мгновенно залившись краской, поплотнее запахнул одеяло, отчаянно делая вид, что ничего не произошло.

Но отец, не упуская случая подразнить сына, так и покатился со смеху:

— Чжаожань, гляди скорей! Твой сын выбежал на улицу с голой попой!

— А-а-а, папа, замолчи! Не говори ничего!

— Не буду, если пойдешь помогать мне лепить цзяоцзы!

— И пойду! — обиженно буркнул малыш, утыкаясь носом в отцовское плечо. — Только те, что слеплю я, тебе ни за что не достанутся.

— Это еще почему? Кому же ты их тогда отдашь?

— Маме отдам. И старшему братику. А тебе — шиш!

Отец притворно завыл от горя, крепче прижал к себе сына и принялся шутливо канючить:

— Чэньчэнь, ну прости меня, глупого! Поделись с папой, а то я сейчас сам капризничать начну!

Мальчик заливисто захихикал:

— Папа — ябеда-корябеда, стыдно-стыдно!

Стоявшая рядом женщина мягко улыбнулась, глядя на них теплыми, сияющими глазами:

— Ну полно вам. Цзиньчжи, забирай его и идите баловаться в дом.

В период с 205 по 214 год эры Шэннин в Поднебесной было неспокойно. Повсюду свирепствовала нечисть. В те смутные времена одна выдающаяся женщина собрала армию изгнания демонов, состоящую в основном из заклинателей. Родители Гун Чэня встретились именно там, в рядах этого войска.

Пройдя рука об руку сквозь невзгоды лихолетья, они полюбили друг друга. Когда же в Поднебесную наконец вернулся мир, супруги приобрели усадьбу у самой воды в городе Ланьчэн. Там они обосновались, обзавелись сыном и зажили тихой, безмятежной жизнью, далекой от мирской суеты.

Наступил Праздник фонарей восемьдесят седьмого года эры Шэннин.

В разных уголках страны в этот день спорили, что подавать к столу — цзяоцзы или сладкие шарики таньюань. Жители Ланьчэна, отличавшиеся упрямым нравом, отказывались выбирать что-то одно. Так и родилась их собственная традиция: «утром есть цзяоцзы, вечером — таньюань».

Гун Чэнь не слишком жаловал цзяоцзы, но сам процесс лепки казался ему невероятно увлекательным. Он наделал целую гору пельменей и разложил их на три кучки.

Те, что вышли крупными и круглыми, размером с его крохотный кулачок, предназначались отцу. Крошечные, аккуратные — матушке. Оставшуюся, третью долю мальчик, облаченный в свой любимый ярко-красный праздничный наряд, бережно спрятал за пазуху: он собирался отнести это угощение кое-кому особенному.

Дуань Чжаожань присела перед ним и ласково ущипнула за щечку:

— Чэньчэнь, амулет мира и покоя взял с собой?

— Взял! И талисман передачи звука, и талисман полета, и талисман скольжения сквозь землю, и талисман невидимости... — Гун Чэнь принялся взахлеб перечислять свои сокровища, а под конец лукаво прищурился: — Но кое-что самое важное я все-таки забыл.

— И что же это?

— Мамин поцелуй!

Дуань Чжаожань не удержалась и рассмеялась.

Отсмеявшись, она притворно покашляла и с нежностью поцеловала сына в левую щеку.

— Ах ты, маленький негодник! — Гун Цзиньчжи шутливо засучил рукава. — И у кого только набрался таких нежностей?

Гун Чэнь потянул отца за край одеяния и умильно захлопал глазками:

— Папа, теперь твоя очередь! Давай скорей!

— Ну ладно, так и быть... — напустил на себя важный вид Гун Цзиньчжи.

Но на самом деле он так сиял от счастья, что едва сдерживал улыбку. Склонившись, он осторожно взял крошечную ладошку сына и нежно поцеловал ее.

Гун Чэнь разочарованно надул губки и указал пальчиком на свою правую щеку:

— Почему туда? А как же щечка?

Гун Цзиньчжи тепло улыбнулся:

— На моей родине считается, что поцеловать чью-то крепкую руку с сильными костями — куда более ценно, чем прикоснуться губами к мягкому, миловидному лицу.

Мальчик озадаченно нахмурил лобик:

— Ничего не понял... Но это ведь значит, что папа очень-очень любит Чэньчэня, да?

— Да. И не просто любит, а клянется оберегать тебя всю свою жизнь.

Гун Чэнь просиял:

— Теперь я знаю! Тогда я тоже хочу поцеловать ваши руки!

— Ну уж нет!

Гун Цзиньчжи тут же загородил собой жену и с напускной строгостью заявил:

— Ишь чего удумал! Это моя супруга. А ты свой первый поцелуй побереги для собственной суженой.

— Да отпусти ты меня! — шутливо возмутилась Дуань Чжаожань.

— Моя жена застеснялась!

— Мама покраснела! — подхватил сын.

— Вовсе нет!

Звонкий смех разнесся по двору.

Вдоволь нарезвившись, Гун Чэнь заметил, что небо уже совсем посветлело. Он поспешно высвободился из объятий отца:

— Папа, мама, мне пора!

— Береги себя в дороге. И возвращайся скорее.

— Хорошо!

Отбежав на несколько шагов, он обернулся и озорно крикнул:

— И не забудьте! Когда я вернусь, я хочу таньюань со сладкой пастой из красных бобов! Обязательно оставьте мне...

На краю его взгляда, в предрассветных сумерках, у ворот усадьбы стояли родители. Они обнимали друг друга, и их улыбки были такими лучезарными, теплыми... Они и не подозревали, что из густой тени у серой стены бесшумно соткался высокий, худощавый силуэт.

Очертания его лица двоились и расплывались. На мертвенно-бледной коже проступали багровые, словно выжженные клеймом узоры, а из головы росли черные изогнутые рога. Тварь походила на неприкаянный призрак, что веками скитался в кипящей адской лаве.

Чудовище беззвучно созерцало молодую пару. На его безликой маске прорезалось подобие улыбки — углы рта поползли к ушам, разрывая кожу, обнажая сочащуюся кровью бездонную пасть.

А отец с матерью все так же ласково улыбались сыну, беззаботно шевеля губами. Они что-то кричали ему вслед, но до ушей Гун Чэня не долетало ни единого звука. Все вокруг замерло, скованное могильным холодом.

В ужасе вытаращив глаза, мальчик истошно завопил:

— Назад! Назад, берегитесь! Разве вы не видите?! Она прямо за...

— Чэньчэнь, что ты говоришь?.. — удивленно переспросила Дуань Чжаожань.

Гун Цзиньчжи не видел врага, но его сердце бешено заколотилось от дурного предчувствия. Повинуясь древнему инстинкту воина, он рванул жену на себя, намертво вжимая ее в свою грудь.

Раздался сухой, костяной хруст.

А следом — мерзкое чавканье.

В ту же секунду Дуань Чжаожань почувствовала, как ей на шею хлынуло что-то горячее и липкое. Оцепенев от ужаса, она медленно, невыносимо медленно подняла голову.

У нее перед глазами предстал рваный, изуродованный обрубок шеи мужа. Из перекушенных артерий со свистом и хрипом фонтаном хлестала темная кровь, заливая ей лицо.

— Цзинь... — ее губы онемели и затряслись, из горла вылетал лишь сиплый шепот. — Цзинь...

Кровавые брызги очертили контуры призрачной твари, сделав ее осязаемой для живых. Чудовище жадно глотало сорванную голову.

Глоток.

Еще один.

Со свистом вырванный из ножен клинок отозвался протяжным, жалобным стоном. Обезумев от горя, Дуань Чжаожань одним яростным взмахом снесла призраку голову. Ее голос, сорванный дикой мукой, скрежетал, точно трущиеся друг о друга камни:

— Верни его!

— Верни мне моего мужа!

Она истступленно кромсала отрубленную башку чудовища: ломала челюсти, разрывала пасть, в клочья раздирала глотку в безумной надежде найти то, что оно только что проглотило. Но там ничего не было... Совсем ничего.

Гун Чэнь упал на колени посреди дороги. Силы покинули его тело; содрогаясь всем существом, он полз к воротам, раздирая руки о камни:

— Папа! Отец! А-а-а-а!

Мать и сын вцепились в остывающее тело. У них не осталось слез, а перехваченные спазмом глотки могли исторгать лишь хриплые, нечеловеческие стоны.

«Это сон».

«Это просто кошмар. Кошмар, кошмар, кошмар...»

«Умоляю, дайте мне проснуться».

Гун Чэнь повернул голову к матери. Увидев застывшую на ее лице маску мертвенного отчаяния, он наконец разрыдался.

— Мама...

Дуань Чжаожань стиснула обезглавленный труп мужа и закричала во весь голос, срываясь на визг:

— Небеса! Верните мне моего мужа! Верните его!

— А... а...

Вдруг чья-то ладонь мягко легла ей на плечо.

Дуань Чжаожань вздрогнула всем телом и медленно опустила взгляд.

Это была мужская рука.

Обезглавленное тело шевельнулось. В рваной, залитой багровой жижей ране на шее закипела, забурлила плоть... Из этого жуткого варева медленно выползло нечто живое.

Сперва показалась нежная, розовая, точно у младенца, кожа. Затем проступили знакомые

мужественные черты лица, а следом отросли иссиня-черные волосы...

Мать и сын оцепенели, заворуженно и со страхом наблюдая за этим противоестественным, кошунственным чудом.

Ожившее тело медленно поднялось из лужи крови и село.

— Отец! Папа!

Дикая, безумная радость на миг вытеснила из души ребенка весь ужас от увиденного. Гун Чэнь бросился вперед, утыкаясь лицом в его грудь:

— Живой... Ты живой!

— Муж мой? — Дуань Чжаожань дрожащими пальцами коснулась его лица. — Цзиньчжи, это правда ты?

Мужчина ласково посмотрел на нее, наклонился и запечатлел поцелуй на ее испачканном кровью лбу:

— Да, дорогая. Это я.

— У-у-у...

Отрубленная голова призрака на земле задержалась. Издавая жалобный, утробный писк, она елозила по грязи, тщетно пытаясь подползти поближе к их ногам.

Этот звук был настолько жутким и полным отчаяния, что Гун Чэнь невольно опустил взгляд.

Глазницы пустой призрачной головы уставились прямо на мальчика. Из них непрерывным потоком заструилась зловонная черная жижа, заливая землю.

— У-у-у...

— У-у-у...

«Оно... плачет?»

У Гун Чэня болезненно сжалось сердце, и эти слова сами собой сорвались с его губ.

— Плачет? — мужчина удивленно приподнял брови. — Неужели? Ты правда видишь это?

Гун Чэнь растерянно кивнул:

— Но ведь это так очевидно...

При этих словах мужчина медленно расплылся в улыбке:

— Вот оно как. Значит, и тогда ты тоже все прекрасно видел.

— О чем ты?..

Мучитель слегка склонил голову набок:

— Забыл? Когда я только выходил из стены, кто громче всех кричал родителям бежать?

— Ты...

Его взгляд, лишенный всего человеческого, намертво пригвоздил мальчика к месту:

— Как тебе удастся видеть меня, малыш?

Ледяная волна ужаса сковала тело Гун Чэня.

— Гун Чэнь!

Сверкающее лезвие со свистом рассекло воздух, начисто отрубив ладонь, тянущуюся к мальчику. Дуань Чжаожань среагировала мгновенно: схватив сына за шиворот, она с силой швырнула его прочь и неистово закричала:

— Беги! Используй все талисманы! Спасайся! Беги туда, где люди!

— Мама! Осторожно! — взвизгнул мальчик.

Отрезанная конечность лже-отца мгновенно восстановилась, и пять длинных когтей, подобных стальным клинкам, устремились к горлу женщины.

Новая вспышка меча — и когти со звоном разлетелись в стороны.

— Прочь!

Глаза Дуань Чжаожань блестели от слез, но в ее голосе звенела сталь:

— Не смей касаться меня своими гнилыми лапами, тварь!

Бежать.

Талисманы полета, скрытности, невидимости — он задействовал все, что было в его распоряжении. Быстрее! Он понимал, что сейчас от него нет никакого толку, кроме обузы. Ему нужно привести подмогу.

В Ланьчэне для поддержания порядка в разных частях города были обустроены даосские беседки. Ближайшая находилась на юго-востоке.

— На помощь!

Едва коснувшись земли у павильона, Гун Чэнь кубарем покатился по мостовой, едва не сломав ногу. Его лицо было измазано грязью, кровью и слезами:

— Помогите! Спасите!

Вокруг него мгновенно собралась толпа зевак.

Глотая слезы и задыхаясь, Гун Чэнь в нескольких словах описал случившееся. Заметив двоих заклинателей в синих одеждах — а синий цвет здесь носили самые искусные мастера, — он рухнул перед ними на колени и принялся неистово бить поклоны.

— Умоляю вас! Спасите мою маму!

Один из даосов, обладавший тонкими, благородными чертами лица, нахмурился:

— Ты сказал, тварь была покрыта багровыми узорами?..

— Чэньчэнь?! — воскликнул второй заклинатель. Он поспешно поднял мальчика на ноги. — Ни слова больше, я иду с тобой.

— Дя-дя... Дядя Фан!

Узнав старого друга своих родителей, Фан Сяньшаня, Гун Чэнь почувствовал, как тяжелый камень немного спал с его души. Вытирая кулаками слезы, он сипло выдавил:

— Дядя Фан, пожалуйста, позовите еще кого-нибудь... Мне страшно...

— Я помогу!

— И я с вами!

— Не бойсь, малец, мы со всем разберемся!

Из толпы слышались сочувственные выкрики.

— Пойдите, — холодно осадил их первый даос, даос Сюй. — Это непростая нечисть. Действовать очертя голову слишком опасно.

Гун Чэнь опешил:

— Если... если вы боитесь, можете не ходить! Но пусть пойдут другие!

— Ну, раз уж даос Сюй так говорит... — замялся кто-то в толпе.

— Пожалуй, лучше не спешить.

— Верно. Нужен план. Давайте сначала все обсудим.

— Раз эта тварь осмелилась напасть среди бела дня, у нее явно есть козырь в рукаве.

— И то правда...

Люди, только что сочувственно качавшие головами, стыдливо прятали глаза. Но стоило одному пойти на попятную, как остальные мгновенно успокоились. Кто-то из толпы и вовсе выдал:

— Мальчик, раз уж тебе повезло уцелеть, цени свою жизнь. Твоя матушка пожертвовала собой не для того, чтобы ты глупо сгинул...

От этих слов у Гун Чэня заledenело внутри. Кровь застыла в жилах от человеческого малодушия.

— Тьфу на тебя, пустобрех несчастный! — яростно сплюнул Фан Сяньшань.

Не желая терять ни секунды, он крепко сжал руку мальчика:

— Твоя мать жива, я уверен! Идем, мы вытащим ее!

— Фан Сяньшань, — снова подал голос даос Сюй, удерживая Гун Чэня за плечо. — Оставь хотя бы ребенка здесь. От него там не будет никакого проку.

— Я пойду.

— Послушай меня, успокойся...

— Старший, я не могу успокоиться!

Гун Чэнь опустил голову, глядя на свой изодранный красный наряд. Эту одежду сшила ему мама. Она говорила, что этот цвет ему очень идет и что в нем он краше всех на свете. А ведь он так и не успел сказать ей, что она — самая прекрасная женщина Поднебесной.

— Это моя мама. Моя, понимаете? Не ваша! — крупные слезы одна за другой падали на алую ткань.

— Цзиньчжоу, сделаем так, — хмуро бросил Фан Сяньшань, едва сдерживая гнев. — Я заберу мальчика. Если дело примет скверный оборот, я немедленно подам сигнал.

— Чэньчэнь, за мной!

Они стремительно вернулись к усадьбе Гун. Во дворе не было ни души — лишь бурые лужи крови темнели на снегу.

— Не бойся, — попытался подбодрить его Фан Сяньшань. — Раз тел нет, значит, твоей матушке удалось спастись.

Гун Чэнь промолчал, лишь слабо кивнул. Его разум был натянут как тетива перед выстрелом, любая лишняя мысль грозила оборвать нить самообладания.

— Постой...

Спустя мгновение Фан Сяньшань указал пальцем вверх:

— У вас что, фонари горят даже днем?

У ворот дома действительно покачивались два больших красных фонаря. Обычно в них горели особые талисманы, разливая мягкий, чистый свет.

Каждый раз, когда Гун Чэнь возвращался домой затемно, эти огни указывали ему путь.

Но сейчас внутри бумажных куполов полыхало нечто совершенно иное.

В голове мальчика словно взорвался тяжелый колокол. Ноги его подкосились, и он рухнул прямо под фонарями, задыхаясь от подступившего к горлу крика:

— Мама...

— Чэньчэнь? — вдруг слабо шевельнулся левый фонарь, издав приглушенный, полный боли возглас. — Это ты, сынок?!

— Мама?! — Гун Чэнь вскинул голову, не веря собственным ушам. — Ты жива?!

— Сними меня... умоляю, сними! — бумажный купол забился сильнее. — И второй тоже! Твоему отцу совсем плохо... Помогите нам, скорее!

— Дядя Фан... — мальчик умоляюще посмотрел на мужчину.

Фан Сяньшань без лишних слов подхватил его на руки и вложил в его ладонь собственный меч:

— Давай, руби веревку! Я поймаю их внизу.

Гун Чэню никогда прежде не приходилось держать в руках настоящее оружие. Меч казался непомерно тяжелым, но в этот миг странная уверенность наполнила его тело. Он кивнул и со всей силы замахнулся на натянутый шнур.

Всплеск.

Окрестности огласил дикий, истошный вопль.

Мальчик застыл. Острие его клинка торчало прямо из плоти внутри разорванного красного фонаря.

Меч в его руках мелко вибрировал, омываемый теплой кровью.

«Нет...»

«Я не хотел... Я ведь целился в веревку...»

«Клинок словно жил собственной, зловещей волей».

Чавк.

Меч послушно, но против воли мальчика, выскользнул из раны.

Крик оборвался. Наступила мертвая тишина.

— Отличный удар! Нечисть повержена! — радостно воскликнул Фан Сяньшань. — А я-то боялся, что ты поддашься на ее уловки. Молодчина!

— Нет, — прошептал Гун Чэнь. — Это была моя мама.

Он в ужасе схватился за голову, чувствуя, как сходит с ума:

— Она не призрак! Она моя мама! Почему этот меч мне не подчиняется?! Почему?! Почему?! Почему?! Почему?!

Мир перед его глазами перевернулся. Чья-то сильная рука бесцеремонно вздернула его в воздух за ногу. Мальчик безвольно повис вниз головой, глядя на Фан Сяньшаня остекленевшим взглядом.

— Ну разумеется, — ласково протянул Фан Сяньшань.

На его лице больше не осталось и следа прежней заботы. На губах мужчины зазмеилась издевательская, хищная усмешка:

— Твой добрый дядя...

—...заодно с этими тварями.

Гун Чэнь оцепенел.

Каким бы храбрым и не по годам смысленным ни был этот ребенок, сейчас ледяная бездна ужаса и абсолютного предательства поглотила его без остатка.

— Ха-ха-ха-ха-ха!

Фан Сяньшань упивался его отчаянием. Он склонился к самому лицу мальчика и разразился безумным хохотом:

— Глянь на себя! Ха-ха-ха-ха! Какое убожество! Как же это смешно и жалко!

— Омерзительно до крайности! И до безумия прекрасно! Ха-ха-ха-ха-ха!

<http://bllate.org/book/20729/2131989>